

УДК 141.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

Колесников С. А.

Религиозно-культурологическое обоснование географических открытий Нового времени: хождения Христофора Колумба

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71,
г. Белгород, 308024, Россия, *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о религиозно-культурологических основаниях географических открытий Нового времени на примере путешествий Христофора Колумба. В качестве ключевой фигуры представлен Колумб и духовно-религиозная мотивировка его путешествий, которые привели к открытию Нового Света. Религиозно-культурологический подход позволяет по-новому взглянуть на роль иллюзорности в географических представлениях указанного периода, обозначить продуктивную роль воображения в построении географических стратегий открытия мира. Сопоставительный анализ религиозно-культурных принципов политеизма в его разных воплощениях и христианского мировосприятия показывает, на примере Колумба, духовную значимость и продуктивность христианства, дающего всем своим внутренним содержанием импульс расширению познания, в том числе географического освоения пространственного мира. Обращение к историческим документам эпохи путешествий Колумба позволяет увидеть и понять неблагоприятные духовные и моральные последствия политики завоевания новых земель как следствие искажения христианской системы ценностей.

Ключевые слова: религиозная топография; христианство и география; открытия Колумба; культурология и религия

Для цитирования: Колесников С.А. Религиозно-культурологическое обоснование географических открытий Нового времени: хождения Христофора Колумба // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 18-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

S. A. Kolesnikov

Religious and cultural motivation behind geographical discoveries of the New Time: the voyages of Christopher Columbus

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
71, Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; *Skolesnikov2015@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the issue of religious and cultural grounding of geographical discoveries of the New Time on the example of the voyages of Christopher Columbus. Columbus and the spiritual and religious motivation behind his voyages that led to the discovery of the New World are presented as a key figure. The religious and cultural approach allows us to take a new look at the role of illusiveness in the geographical representations of the period, to outline the productive role of imagination in the construction of geographical strategies of world discovery. A comparative analysis of the religious and cultural principles of polytheism in its various incarnations and the Christian worldview

shows, using the example of Columbus, the spiritual significance and productivity of Christianity, which gives all its inner content an impetus to the expansion of knowledge, including the geographical exploration of the spatial world. The historical documents of the era of Columbus's voyages allow us to see and understand the adverse spiritual and moral consequences of the policy of conquest of new lands as a consequence of the distortion of the Christian system of values.

Keywords: religious topography; Christianity and geography; discoveries of Columbus; cultural studies and religion

For citation: Kolesnikov S. A. (2022), "Religious and cultural motivation behind geographical discoveries of the New Time: the voyages of Christopher Columbus", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 18-30. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-2

...Только наше поколение, пережившее завоевание воздуха... – мы одни способны в полной мере понять тот пылкий интерес, то бурное ликование, с которым вся Европа наблюдала за внезапным стремительным проникновением Португалии в неведомую даль.

С. Цвейг. Подвиг Магеллана.

Иллюзии и трагедии

Одно из наиболее привычных обвинений в адрес религии со стороны секуляризованной культуры – обвинение в иллюзорности ее картины мира. Тезис «религия – опиум для народа» десятилетиями сопровождал идеологический прессинг религиозности; при этом наркотический морок, который якобы использовала в своих интересах религия, трактовался как абсолютно бесперспективный для расширения, в частности, познаний о мире. Случай Колумба является контраргументом в этой длительной дискуссии, ведь само открытие Америки стало возможным благодаря иллюзорности представлений Колумба о размерах земного шара, о расположении terra firma («твердая земля») и ряда иных иллюзий, которые, тем не менее, привели к поразительному результату (Лебедев, 2002: 6-10).

Вообще иллюзорность в эпоху Великих географических открытий можно рассматривать как один из важнейших и наиболее продуктивных факторов расши-

рения границ цивилизованного мира (Баландин, 2000: 12-18). Иллюзия того, что «мир мал», обоснованная ошибочными вычислениями еще Посидония (рубеж II-I вв. до н. э.), подтолкнула Колумба к решению выплыть в неохватные океанские просторы, которые представлялись не такими уж и неохватными. Ф. Магеллан, исходя из иллюзорной уверенности в существовании на неверно указанных координатах пролива между Атлантическим и Тихим океанами, совершает первое кругосветное путешествие (Хеннинг, 1961, 1: 44). Сама теория беспредельного Мирового океана, восходящая к религиозным представлениям греков о стихии воды, отвергалась Птолемеем и считалась современниками Колумба фикцией, иллюзией. Со временем контекст идеи язычника Птолемея был преодолен христианским географическим опытом, и тогда теория Единого океана начинает обретать более реалистические очертания, хотя, конечно, не освобождаясь полностью от иллюзорных фрагментов. Одной из географических иллюзий, во власти которой находился и Колумб, была теория уравнивания северного материка южным¹. Восприятие мира как воплощения Божественной гармонии требовало географической симметрии в мироустройстве – так рождалась идея поиска южного континента, приведшая к открытию Австралии

¹ Подробнее см.: (Фрадкин, 1974)

голландцами. Парадокс иллюзий эпохи Великих географических открытий как раз и проявляется в том, что иллюзорность как тип мировосприятия, обязанный своим развитием религии, явился источником реальных открытий, реального увеличения географических знаний.

Без культивирования иллюзорности были бы непредставимы мотивации, толкающие людей в смертельно опасные морские путешествия. Показательна легенда о блуждающих Блаженных островах², открытие которых стало целью целого ряда поколений мореплавателей. Истоки этой легенды восходят к первым векам христианства, когда монахи отправлялись искать священную землю, на которой можно было бы обрести спасение. Широко распространенная христианская легенда о святом Брандане³, который был известен именно как открыватель новых островов, стала причиной того, что в течение целых столетий моряки отправлялись на поиски легендарного острова св. Брандана, картографы выводили иллюзорные границы этого острова на своих картах, тем самым задавая импульс к дальнейшим – реальным! – географическим открытиям. Показательно, что в записях Колумба можно встретить упоминания о виденных жителями Канарских островов неких землях, расположенных на западе, находящих свое отражение в легендах о блуждающем острове Бразил, впоследствии давшем название вполне реальной территории Южной Америки (Путешествия, 1961: 118). Позднее искали загадочный и чудесный остров Бимини, где якобы бьет источник вечной молодости; один из капитанов даже взял патент на открытие этого источника – но была открыта цветущая Флорида (Магидович, 1957: 18). К числу продуктивных иллюзий можно отнести таинственные, то появляющиеся на картах, то исчезающие, Антильские ост-

рова, на которые якобы бежали от мусульман некие архиепископ и епископы, основавшие «Город семи островов» (Beazley, 1897: 234; Babcock, 1922: 72), – и эти острова-миражи в итоге также обрели реальные очертания в современной картографии.

Особое место в истории географических иллюзий занимает своеобразная легенда, повествующая о наличии на Востоке государства, главой которого являлся христианский правитель Жуан Индийский (Магидович, 1957: 67) (в русской транскрипции «царь-поп Иван»)⁴. Именно к этому «царю-попу» отправлялся по поручению португальского короля Жуана II, буквально за пять лет до первого путешествия Колумба, Педро да Ковильян, и результаты этого путешествия за религиозной иллюзией, тем менее, легли в основу триумфального путешествия Васко да Гама. Во имя воплощения этой, казалось бы, иллюзорной идеи на рубеже XIII-XIV вв. было организовано несколько католических миссий в Южную и Восточную Азию: в 1289 г. монах Джованни Монтекорвино доплыл до Южной Индии, в Китай, и в своих письмах рассказал о результатах своей миссионерской деятельности; в 1318-1330 гг. монах Одорико из Порденоне посетил Вьетнам, Китай, Тибет, а в 1339 г. монах Джованни Мариньолли послан папой римским в Китай к великому хану (кстати сказать, именно эту задачу должен был выполнить и Колумб)...

Для самого Колумба иллюзорность его начинаний явилась тем основанием, без которого открытие именно Колумбом Нового Света было бы невозможным. И. Вашингтон писал: «Успеху великого начинания способствовали две счастливые ошибки: предположение о большей протяженности Азии на восток и о малости земного шара» (Вашингтон, 1992: 24). Географические заблуждения парадоксальным об-

² Подробнее см.: (Бирлайн, 1997; Hatt, 1970).

³ Подробнее см.: (Шабанов, 2001; Плавание святого Брандана, 2002).

⁴ Подробнее см.: (Послания, 2004).

разом способствовали расширению подлинных географических знаний – «ирония Бога» превращала иллюзии в импульс к реальным открытиям.

Спецификой иллюзорности первого этапа Нового времени была ее религиозно обусловленная открытость новому. Сам процесс открытия – конечно, у разных мореплавателей по-разному, в силу их индивидуальной «религиозной виртуозности» (Вебер, 1994: 22) – приобретал религиозный контекст служения священному делу раскрытия величия мира как Божьего творения. Иллюзорность Средневековья – пугала, иллюзия Нового времени, напротив, подталкивала к исследованию, к заполнению страшных в своей неизвестности пространств «terra incognita» христианской символикой, преодолевающей прежний страх и дающей надежду на обретение спасительного знания. Воспринятое язычеством из магической культуры наследие страха перед всем, что находится за пределами ареала, подчиненного конкретному языческому божеству, оказывало влияние и на интерес к новым пространствам, точнее, на его уничтожение. Страх преодоления границ закольцованного пространства, видимо, является одной из религиозных причин столь слабого развития географических познаний в Древнем мире. Доминирование в языческом темпоральном восприятии закольцованной цикличности переносилось и на пространственные мироощущения; время и пространство язычества принципиально ограничивали исследовательский интерес замкнутыми пределами, и все, что находилось «по ту сторону» политеистически-сакрального хронотопа, вызывало страх. Показательно, что Э. Бенвенист, этимологизируя индоевропейское числительное *tu* («два»), установил, что оно обозначало не только число, но и понятие, соответствующее глаголу «бояться» (Бенвенист, 1974: 88).

Знаковой иллюстрацией изменившегося под воздействием христианства менталитета могут служить сами карты времен Колумба как документы, фиксирующие

надежду на преобразование Земли неизвестной в Землю святую, обетованную. Например, картограф Хуан де ла Коса около 1500 года зафиксировал данные открытий самого Колумба и тех, кто пошел по его следам. При этом вырисовалась интересная картина новых очертаний двух материковых массивов – северного и южного. Картографу было неизвестно, соединяются ли эти массивы между собой, и он вписал в то место, где можно было предположить их соединение, изображение святого Христофора с Иисусом-младенцем на плечах. Именно это изображение Христа, открывающего новое, видимо, и может служить объяснением той надежды, которую чаяли обрести мореплаватели эпохи Великих географических открытий. Надежда на Христа, зримо, наглядно, иконно воплощаемая в картографии, придает особый религиозный смысл продвижению путешественников Нового времени в реальных пространствах земного шара.

Вообще представление мира в антропоморфных образах весьма характерно для эпохи Великих открытий: мир предстает как живое существо, как, например, на карте XIV в. итальянца Опицина, где «Европейский и Африканский континенты были изображены в виде мужской и женской человеческих фигур, склонившихся головами друг к другу в районе Гибралтара». Позднее, в 1537 г. Иоанн Буций «нарисовал карту Европы в виде человеческой фигуры, голова которой изображала Испанию, а низ фигуры находился на западном побережье Черного моря. Таких карт было в это и более позднее время много...» (Подосинов, 1999: 496-499). Само стремление образно «очеловечить» и «обожить» мир свидетельствует о преодолении страха перед неизвестным пространством. И даже иллюзии, возникающие из недостаточных знаний, теперь не ввергали в шоковый ступор, а, соединяясь в религиозном контексте с надеждой, вели к расширению представлений о мире Божьем, об образе Божьем.

Неслучайным является тот факт, что в личной библиотеке Колумба наиболее читаемой книгой являлась «Imago Mundi» – «Образ мира» французского эрудита, кардинала Пьера д'Айи. Эту книгу, как никакую другую, Колумб многократно перечитывал, оставил на полях множество пометок и замечаний. Книга знаменитого кардинала, рассказывающая о мире как отражении образа Божьего, сопровождала Колумба вплоть до самой смерти. Образ мира, создаваемый с помощью иллюзорности, давал результативный итог, приводящий к подлинно реальным открытиям. Ведь даже для возникновения оптических иллюзий – миражей – требуется реальное основание, изначальный реальный объект, который отражается в разных по плотности слоях воздуха смещенно. То есть, признать мираж и иллюзорность вообще феноменом абсолютно безосновательным довольно сложно.

В жизни самого Колумба иллюзорность занимала весьма значимое место. Во времена Колумба хорошо знали действенность иллюзий еще и как способа управления, и эту психологическую особенность иллюзий Колумб нередко использовал для достижения своих целей. Так, еще в молодости, во время службы у неаполитанского короля, для того, чтобы экипаж его корабля продолжил путь в необходимом ему, Колумбу, направлении, Колумб изменил направление стрелки компаса, тем самым, добившись поставленной цели. Подобную результативность иллюзии он использовал и во время первого, судьбоносного, путешествия: для того, чтобы у изнуренного экипажа не пропадала надежда: Колумб вел двойной отсчет пройденного расстояния. Конечно, у иллюзорной стратегии Колумба имелась и меркантильная составляющая, ведь тем самым он стремился скрыть, защитить свой секрет пути в «Индию» от посторонних. Развивая стратегию иллюзорности, Колумб позднее, после возвращения из второго путешествия, организовал передвижную выставку привезенных диковинок и богатств, создавая иллюзию рентабельности осуществленных путешествий. При

этом искушение использовать иллюзорность в корыстных целях будет расти, и этот путь приведет Колумба к печальным последствиям.

Но пока, на самых первых этапах великого открытия, иллюзорность помогает Колумбу в его провиденциальном путешествии. И, наверное, самым ярким подтверждением результативности иллюзии может служить история поисков рая Колумбом. Поиски земного рая как географическая и теологическая задача издревле являлись одной из наиболее результативных иллюзий. Перечень тех, кто старался дать конкретное географическое положение рая – огромен. Прежде всего, это святые отцы, в чьих комментариях к Священному Писанию находил подтверждение своих планов и Колумб. У Иоанна Златоуста в его «Беседах на книгу Бытия», в трактате «О сотворении мира», у Ефрема Сирина в его «Истолковании книг Библии», а особенно полно у Василия Великого в «Шестодневе» и у Амвросия Медиоланского, предстают среди прочего географические описания расположения рая. Многие положения именно из комментариев святых отцов стали причиной первоначального неприятия проекта Колумба на диспуте в Саламанке в монастыре Св. Стефана, с которого и начинается, собственно, теология путешествия Колумба. Сам Колумб считал, что он продолжает путь тех, кто со времен Моисея искал рай на земле. К поискам рая в океанских просторах подталкивала Колумба ситуация, когда привычные «координаты» рая уже были изучены, и рай там, где он предполагался, – в Месопотамии, Сирии или Армении – не был найден. Теперь пришла очередь искать рай в новых неизведанных землях.

Индия для Колумба представляла, по крайней мере, в начале, как земля, где должен находиться рай. Сама идея открытия рая должна была, по мнению Адмирала, перевесить все неудобства и первоначальную нерентабельность открытых земель. По возвращении из первого путешествия Колумб настаивал: «Правду возвещали святые богословы (teologos) и мудрые философы, –

рай земной находится на рубежах востока, потому что именно там лежит местность с мягчайшим климатом (lugar temperadissimo)» (Магидович, 1957: 144). Истово верующий Колумб жаждал открытия рая и во втором путешествии, о ходе которого докладывал, что «места эти наиболее высокие в мире, наиболее близкие к небу, именно здесь лежит земной рай, отсюда текут все воды» (там же). Конкретным местонахождением рая для него становится, например, открытая Куба: «Это прекраснейший остров, какой видели глаза человеческие» (Вашингтон, 1992: 100). Само представление Колумба об открытых землях складывалось возвышенно-религиозное: «На островах живут в золотом веке, не зная трудов, в сплошном саду» (Вашингтон, 1992: 114).

В письме о третьем путешествии тема земного рая становится для Колумба центральной: «Священное Писание свидетельствует, что Господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни, и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира – Гангу в Индии, Тигру и Евфрату <...> которые рассекают горную цепь, образуют Месопотамию и текут в Персию и к Нилу, истоки которого лежат в Эфиопии и который впадает в море близ Александрии. Я не нашел и не могу найти в сочинениях римлян и греков сколько-нибудь определенных указаний на местоположение в этом мире земного рая. Не приходилось видеть его также ни на одной карте мира, составленной на основе авторитетных данных. Некоторые помещают его у истоков Нила в Эфиопии, однако посетившие эти земли не нашли там такого места, которое по климату и по высоте соответствовало бы земному раю, т. е. признаков, которые позволяют заключить, что он находится именно тут, ибо нет в тех краях места, куда бы не доходили воды всемирного потопа, поднявшиеся вверх, и т. д. Некоторые язычники желали доказать путем допущений, что земной рай находится на Счастливых островах, которые ныне называются Канарскими, и т. п. Исидор,

Беда, Страбон, магистр схоластической истории Амвросий, Скотт и все ученые-богословы полагают, что рай земной находится на востоке <...> я верю – именно там находится рай земной, и никому не дано попасть туда без Божьего соизволения» (Путешествия, 1961: 78). Эта развернутая теолого-географическая цитата позволяет увидеть, каким образом иллюзия поиска земного рая определяет энтузиазм первооткрывателя Нового света. Концепция Колумба, определявшая его проект, представляет сложный симбиоз географических и теологических представлений, однако даже очевидная для современности иллюзорность этого проекта не может опровергнуть его результативности. Даже если Колумб и ошибался, он все-таки открыл Америку!

Его убежденность в собственной правоте, в перспективности того пути, по которому он шел, во многом поддерживалась религиозным порывом. Именно этим можно объяснить «идеологические» обоснования своей позиции, которые мы встречаем в том же письме Колумба о третьем путешествии. Колумб детально рассматривает признаки земного рая, стремясь сделать свой собственный географический проект уподобленным религиозному подвижничеству, превратить его в своеобразное паломничество, причем паломничество, которого никто ранее никогда не совершал, целью которого становится не поклонение известным святыням, а открытие высшей христианской святыни на Земле – рая.

Колумб четко формулирует представление о физическом облике рая: «Я не считаю, что земной рай имеет форму отвесной горы, как это многими описывается; я думаю, что он лежит на вершине, в той части земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину. Я полагаю, что никто не может достичь этой вершины, а оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издали, текут в места, где я нахожусь, и образуют это озеро

<...>. Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные приметы: ведь мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки» (Путешествия, 1961: 93). Конечно, в основании религиозно-географических экспликаций Колумба лежит и меркантильный расчет, ведь перед ним стояла задача представить в глазах католических величеств свое путешествие как рентабельный проект, рентабельность которого весьма специфического толка, – это проникновение в область сакрального, над-материального, в область, где золото и пряности уже не столь значимы.

Стремление Колумба дать контрастные описания пространств, принадлежащих и не принадлежащих испанской короне, несомненно, имели и политико-экономическую цель. Рассказывая о преимуществах тех земель, которые Колумб присоединил к владениям Испании, и, напротив, очерняя и умаляя достоинства земель, не входящих в испанскую юрисдикцию, Колумб наработывал свой собственный «капитал» в глазах католических величеств. Однако нельзя и отрицать искреннюю веру Колумба в свое собственное провиденциальное предназначение, которое, если и основывалось на иллюзорных предпосылках, принесло вполне реальные результаты. Колумб своими путешествиями доказал, что иллюзии, как географические, так и религиозные, парадоксальным – а точнее промыслительным – образом могут оказаться фундаментом прогресса. Иллюзии порождали мечту, а мечта вела человечество за пределы известного, к новому и манящему.

Раб Божий или раб злата?

Идеализировать Колумба и его время было бы, конечно, неправильным. Иллюзорность вела к свободе, но зачастую приводила и к ее антиподу – рабству. Иллюзорность опасна искушением скатиться в обман, и Колумб не всегда мог преодолеть это искушение. Особенно печальны результаты его путешествий с точки зрения христианского милосердия в годы, последовавшие за первоначальным этапом открытия.

Видимо, одним из самых негативных результатов открытия Колумбом Нового Света стал первый опыт тотального геноцида в отношении туземцев. Здесь мы выходим на очень сложную проблему: новое перестало ощущаться новым, пришло время освоения результатов открытий, и тут-то стали явны те негативные последствия искушения обманом, душевных слабостей, которые изменили многое и в Колумбе, и в стремлениях тех людей, которые пришли в Новый Свет после него. В целом проблема Нового – глубокая культурологическая проблема. Если религиозность вела к открытию, то после открытия наступала стадия освоения открытого, и на этой стадии могли и происходили негативные нравственно-духовные процессы. Как правило, в Новое время за миссионерами шел купец, шел меркантилизм, подминающий под свой прагматизм человеческую свободу.

За первыми открытиями Колумба шло освоение, шел торговый «интерес». Пришедшие за Колумбом португальцы, англичане – это уже купцы, для которых религиозный смысл открытия новых земель был чужд. Да и сам Колумб в своих дальнейших путешествиях выступает уже преимущественно, а подчас и исключительно, как расчетливый торговец, не оглядывающийся на боль и страдания тех, кто попадал в сферу его коммерческих «интересов». Собственно, моментом окончания Открытия можно считать приказ Колумба перейти к освоению новооткрытого острова Испаньола, на котором он сам впоследствии будет закован в кандалы.

Процесс трансформации духовного в материальное, в меркантильность, отчетливо прослеживается в материалах дневника первого путешествия на примере отношения Колумба к золоту. Определение «золотой» постепенно теряет для Колумба сакральный смысл, который он вкладывал в него, говоря о «золотом» веке, в котором живут туземцы, и даже о золоте, на которое можно было бы организовать крестовый поход для освобождения Гроба Господня. Уже в докладе о первом путешествии, к финалу этого доклада, слово «золото» начинает встречаться у Колумба чаще, чем слова «новые земли». Именно золото, а не новые земли, становится главной темой его изысканий, именно о золоте он расспрашивает и даже пытается индейцев, именно языковые нюансы индейских слов «туоб», «каона», означающих золото, волнуют Колумба в финале путешествия больше, чем координаты неизвестных островов (см.: Путешествия, 1961: 161) и далее). Собственно, испанцев не интересует ничего из индейской культуры, кроме золота, именно золото стало главной ценностью, ради которой Колумб идет в дальнейшие морские походы.

Меняется и сам Колумб. Он еще сохраняет стремление видеть в материальном золоте сакральные коннотации, он еще соотносит золото открытой «Индии» с тем золотом царя Соломона, из которого якобы были изготовлены «200 копий и 300 щитов, покрыты спинка его трона» и т. д. Колумб еще стремится найти богословские комментарии к золотой лихорадке, овладевавшей им и его последователями, он настаивает, что открытые им золотые рудники Верагуа и есть золотые рудники Ауреи, о которых «пишет Иосиф в своей хронике *De Antiquitatibus* [О древностях]; о том же говорится и в Книге Царей и в Паралипомоне» (Путешествия, 1961: 461). Однако здесь же он формулирует концептуальный тезис, свидетельствующий о существенных изменениях его системы ценностей: «Золото – это совершенство. Золото создает со-

кровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай» (Путешествия, 1961: 462). Золото приобретало уже не религиозный, а магический характер, отвращало открывателя от реализации религиозно-географического проекта и превращало его в купца, реализующего меркантильный «бизнес-план».

Проект Колумба в итоге оказался необычайно рентабельным: на подготовку первого путешествия испанское королевское казначейство затратило около десяти килограммов золота, а за триста лет своего господства в Новом Свете Испании вывезла оттуда около трех миллионов килограмм золота (Рагунштейн, 2013). Но одержимость золотом отрицательно повлияла на первопроходческие задачи и Колумба, и его последователей. Золото заслонило горизонты открытий.

Отказ от своего предназначения, видимо, и может рассматриваться как одна из причин последующих неудач Колумба. Вообще судьба первооткрывателей, вступивших на путь меркантильного освоения нового, была печальна. С. Цвейг писал об этих судьбах: «Колумб в окопах возвращается в Севилью, Кортес попадает в опалу, Писарро умерщвлен, Нуньес де Бальбоа, открывший Тихий океан, обезглавлен, Камознс, поэт и воин Португалии, подобно своему великому собрату Сервантесу оклеветанный жалкими провинциальными чиновниками, месяцы и годы проводит в тюрьме, немногим отличающейся от выгребной ямы. Чудовищна неблагодарность эпохи великих открытий: нищими и калекками, завшивевшими, бесприютными, дрожащими от лихорадки, бродят по портовым переулкам Кадиса и Севильи те самые солдаты и матросы, которые завоевали для испанских королей сокровищницы инков и драгоценности Монтезумы» (Цвейг, 2010: 38). Но за этой «неблагодарностью эпохи» можно увидеть и провиденциальный смысл наказания за забвение своей религиозной миссии. Ведь если с недовольством матро-

сов в первом путешествии Колумб справился именно с помощью веры в необходимость и грандиозность своего призвания, то все последующие бунты, с которыми столкнулся Колумб в последующих путешествиях, уже не были подавлены столь результативно, ведь Колумб утратил самое важное – ощущение своей над-материальной, духовной призванности.

В максимальной степени последствия этой утраты проявились в отношении Колумба к рабству. Несомненно, европейское время Колумба относилось к рабству довольно благосклонно. Например, в родном городе Колумба, в Генуе, в «1463-1465 годах рабы-русские продавались по цене 180-195 лир, болгары – за 144-170 лир, черкесы за 180 лир при средней цене на здорового молодого раба в 170-187 лир. На этом же рынке быков сбывали по 40 лир за голову, породистый же арабский конь стоил 250-300 лир» (Heers, 1961: 56). Необходимо отметить, что работорговля той эпохи имела своеобразный религиозный аспект. Целый ряд глав Ватикана – папы Мартин V, Евгений IV, Николай V, Каликст III – делегировали европейским королям право на открытие новых земель с обязательной христианизацией туземцев. Папа Николай V выдал даже специальную декреталию, благословляющую работорговлю, как способствующую обращению в христианство (Князев, 2019).

В этом ключе становится более понятным отношение Колумба к рабству, причем отчетливо прослеживается динамика его изменения. Если первоначально Колумб ставит перед собой «заботу о душах каннибалов», то позднее для него гораздо более важным, на грани цинизма, становится коммерческая рентабельность работорговли, о чем свидетельствует одно из писем Колумба: «А плата за перевозку взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути – все же не всем им грозит такая участь...» (Хроники, 2000: 117). Показательной является история первых индейцев, привезенных Колумбом в 1493 году в Европу, ко

двору католических величеств. Этих шестерых туземцев с большой помпой, с проведением грандиозных мероприятий окрестили в Барселоне, причем крестными родителями стали сами католические величества – король Фердинанд и королева Изабелла. Планировалось, что новые христиане вернутся в Новый Свет для проповеди христианства, однако никому из них не было суждено выполнить эту миссию: один из индейцев, оставленный при дворе, «первым среди соотечественников попал в рай», т. е. умер; другой во время второго путешествия Колумба, добравшись до родных берегов, сбежал.

И все-таки первоначальный религиозный проект обращения индейцев был направлен на достижение подлинно христианских целей. По мнению И. Вашингтона, Колумб «считал, что чем больше каннибалов будет перевезено в католическую страну, тем больше душ будет спасено» (Вашингтон, 1992: 207). Однако меркантильные интересы, которые все более охватывали Колумба после первого путешествия, приводили к тому, что Адмирал начинает оправдывать свой проект поставками если не золота – которое для него превращалось в идею-фикс, а потому с золотом расставаться не хотелось, – то хотя бы рабами. При этом Колумб начинает проявлять иезуитскую изворотливость: он отказывается крестить индейцев в Новом Свете, чтобы иметь возможность поработать нехристиан, а пересылает их для крещения в Испанию. Так было, когда в 1494 г. Колумб посадил на корабли 500 индейцев и предложил их продать в рабство на территории Испании по более высоким ценам.

Этот откровенно антихристианский поступок не встретил одобрения со стороны католических величеств, и особенно у королевы Изабеллы. Она потребовала, чтобы крещение новообращенных – то есть главная задача Колумба! – осуществлялось сразу же, еще в Новом Свете, а крещеных нельзя было продавать в рабство. В результате большинство индейцев, обращенных в

рабство Колумбом во время третьего путешествия, отправили обратно, при этом их сопровождали шестеро монахов, призванных объяснить суть христианской веры новообращенным во время морского возвращения. Оправдывая свои действия, Колумб писал, приводя как аргумент миссионерский тезис: «Я, в свою очередь, хотя и посылал многих индейцев в Испанию для продажи, всегда имел в виду их наставление в вопросах христианской веры и обучение их цивилизованным ремеслам для последующей отправки их на остров с тем, чтобы они помогали приобщать к цивилизации своих соотечественников» (Вашингтон, 1992: 566). Однако в реальности работорговля набирала обороты.

Культивирование работорговли, на которую пошел Колумб после завершения стадии открытия и начала стадии освоения, перевела его проект из категории проектов, отвечающих требованиям Нового, в разряд проектов «безвозвратно минувшего времени» (Свет, 1973: 158). Самоуверенность, перерастающая в гордыню, и стремление к материальной выгоде выбили Колумба из обоймы первооткрывателей. Он, ставя работорговлю в основание своего плана освоения новых земель, не смог увидеть новых горизонтов изменившегося мира – изменившегося, в первую очередь, благодаря его же открытиям! Колумб стал реализовать шаблон экспансии, применявшийся двести-триста лет назад его предшественниками.

Но времена изменились, и Адмирал «олицетворял, таким образом, вчерашний день практики освоения заморских земель, тогда как кастильская корона вступила в день завтрашний, в эпоху формирования первых колониальных систем» (Свет, 1974: 158). Бельгийский историк Ш. Верлинден считал, что «Колумб был живым звеном в той цепи факторов исторической преемственности, которая связывала средневековую итальянскую колонизацию с колонизацией нового времени» (Verlinden, 1967: 419). Однако – всего лишь промежуточным

звеном, а не целью, а не ориентиром в открытии Нового, каковым являлся Колумб в период своего первого путешествия. И «цепь факторов» оказалась обращена против самого Колумба: на него, как известно, были буквально наложены кандалные цепи, в которых он, пусть демонстративно и отчасти театрально, прибыл в Испанию в 1500 году (Свет, 1973: 286). Эпоха нового в жизни Колумба завершилась, открытие новых пространств, стремление к освобождению от тесных границ прежнего мира обернулось абсолютной несвободой закованного человека...

Естественно, что рабство, которое несли с собой испанцы в пост-колумбовом периоде, кардинально изменило религиозную картину на новооткрытых землях. Если первоначально индейцы воспринимали испанцев как пришельцев с небес, каждую вещь, полученную от них, наделяли сверхъестественным значением, то уже буквально через несколько лет этот религиозный пиетет сменился противостоянием и враждебностью. Первоначальный благоприятный этап, о котором сам Колумб писал в известном письме Сантахелю и Санчесу: «...благо и твердо стояли на том, что я и мои корабли, и мои люди явились с неба; и они (туземцы) укреплялись в этом убеждении, как только исчезал у них страх перед нами» (Путешествие, 1961: 116), – вскоре, в результате антихристианской политики испанцев, сменился периодом противостояния.

Одной из ошибок испанцев было невнимательное отношение к религиозным взглядам индейцев – Колумба и его последователей больше интересовало золото, нежели верования аборигенов. Кроме того, Колумб из рвения индейцев, помогавших устанавливать кресты на открытых островах, делал легковесный вывод, что обратить их в христианство не составит труда. В то же время «у индейцев имелись свои развернутые религиозные представления» (Вашингтон, 1994, 226), на что испанцы обращать внимание не пожелали. Подобная политика не могла не привести к взрыву. Уже

в 1496 г. индейцы с местным вождем Гварионексом ворвались в часовню, разбили иконы, растоптали их ногами. Причиной стали все те же неблагоприятные поступки испанцев: они силой брали себе женщин-индианок, и это являлось основной причиной противостояния со стороны туземцев. Реакция испанцев, воспитанных в духе жесткой инквизиции, была предсказуемой: за осквернение святынь индейцев сожгли (Вашингтон, 1994: 228). Индейцы впервые столкнулись с религиозным изуверством, и это также определило эскалацию дальнейшего межкультурного и религиозного конфликта. Показательно, что уже через несколько лет один из индейских вождей, Гуаканагари, который всячески поддерживал Колумба и испанцев в целом, «отказался повесить на шею образок Божьей матери» (Вашингтон, 1994: 199), тем самым продемонстрировав религиозную сущность конфликта. Позднее этот вождь был вынужден вообще покинуть своих соотечественников из-за того, что некогда выступал на стороне испанцев, и уйти в горы, чтобы умереть там в одиночестве и отверженности. И это весьма показательный результат, свидетельствующий о переформатировании новизны в проекте Колумба в анти-новизну, в разрушительную стагнацию.

Логичным стал и тот факт, что индейцы-карибы, с которыми Колумб столкнулся во втором путешествии, уже не воспринимали испанцев как посланцев небес и вступили в активную борьбу против испанской экспансии, в том числе и христианизации.

И все-таки первоначальный религиозный порыв Колумба не может быть полностью дискредитирован последующими трагическими событиями. Ведь путешествие Колумба является ярким подтверждением продуктивности христианского мировосприятия, возникшего в Новое время. Его стремление расширить границы христианского мира, вернее, представить весь мир, весь земной шар как единый мир Божий, прочтение мира как единой книги Божьей

заслуживает того, чтобы рассматривать проект Колумба в целом как эпохальное событие, кардинально изменившее миропредставление человечества.

Христианство смогло помочь преодолеть страх нового пространства, страх, который веками останавливал человечество в исследовании географии Земли. Еще несколько десятилетий до Колумба мыс Нан на западном побережье Африки символизировал невозможность – само название означает «нет»! – дальнейшего познания. Страна «Нет», простирающаяся за пределами изведенного, пугала и отталкивала. Но этот страх, благодаря религиозной вере и надежде, воспитываемым христианством, начинает отступать. И тогда к картам Птолемея начинают добавляться *tabula moderna* – новые листы, на которые наносились контуры недавно открытых земель. Книга мира становится явной, «читабельной» для обретающего интерес и мужество открытий человечества.

При этом очень важно, что эпоха географических открытий открывала не только новые земли, но и новое отношение к землям. Путешествие Колумба знаменовало открытие нового – в своей основе религиозного – отношения к планетарным пространствам, определила веху, с которой человечество начало мыслить планетарными масштабами, получило глобальное представление о той планете, на которой оно существует. Христианский правитель, перед чьим взором предстала общая картина земного мира, получил впервые возможность выстраивать геополитические проекты, охватывающие планету в целом. Изменилось представление о пространстве Земли как едином, объединенном и едиными физическими законами, и едиными духовно-нравственными заповедями. Ведь послание католических величеств, которое должен был передать Великому хану Колумб, как раз и являлось одним из первых геополитических проектов, стремящихся осуществить подлинно глобальную политику во все-земном масштабе.

Надо объективно признать: полной меры христианской ответственности за открытое новое Колумб и те, кто продолжил его дело, не выдержали. И в этом тоже – пусть жестокий и трагичный – содержательный урок эпохи Великих географических открытий для современности, урок, показывающий, что проповедь имени Божьего требует огромной духовной работы и душевной стойкости.

Литература

Баладин, Р.К. География: Открытие Земли. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 479 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бирлайн, Дж. Ф. Параллельная мифология. М.: Крон-Пресс, 1997. 392 с.

Вашингтон, И. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. Харьков: Око, 1992. 608 с.

Вебер, М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

Князев, С. Золото, слоновая кость и миллионы рабов: как Португалия укрепляла свои позиции в Африке в XV веке // rt.com. 8 января 2019. [Online] URL: <https://russian.rt.com/science/article/590382-istoriya-portugaliya-kolonizatsiya-bulla> (дата обращения 20.12.2021).

Лебедев, Н.К. Завоевание Земли: Великие географические открытия от Одиссея до Лаперуза. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.

Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: ГУПИ, 1957. 382 с.

Плавание святого Брендана: Средневековые предания о путешествиях, вечных странниках и появлении обитателей иных миров. СПб.: Азбука-классика, 2002. 314 с.

Подосинов, А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 718 с.

Послания из вымышленного царства / пер. с лат. Н. Горелова, с древнегреч. О. Горшановой, Д. Захаровой, Е. Лагутиной, со старофр. И. Минаева. СПб.: Азбука-классика, 2004. 220 с.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М.: Географгиз, 1961. 515 с.

Рагунштейн, А.Г. Сокровища погибших кораблей // CoolLib.net. 2013. URL: [https://cool-](https://cool-lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-t-eun-sokrovishcha-pogibshih-korabley)

[lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-t-eun-sokrovishcha-pogibshih-korabley](https://cool-lib.com/b/255925-arseniy-grigorevich-ragunsh-t-eun-sokrovishcha-pogibshih-korabley) (дата обращения 20.12.2021).

Свет, Я.М. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973. 368 с.

Фрадкин, Н.Г. Образ Земли. М.: Мысль, 1974. 176 с.

Хеннинг, Р. Неведомые земли: В 4 т. М.: Иностранная литература, 1961-1963.

Хроники открытия Америки / пер. с испанского. М.: Академический проект. Кн. 1., 2000. 490 с.

Цвейг, С. Подвиг Магеллана: Человек и его деяние. Америкго: Повесть об одной исторической ошибке. М.: АСТ, 2010. 380 с.

Шабанов, А., прот. Святой Брендан Мореплаватель. Тверь: Миссия, 2001. 286 с.

Babcock, W.H. *Legendary Islands of the Atlantic: A Study in Medieval Geography*, American Geographical Society, New York, 1922.

Beazley, C.R. *The dawn of modern geography: a history of exploration and geographical science* (1897: vol. 1). H. Frowde, 1897.

Hatt, J.J. *Celtes et Gallo-Romains*. Paris-Munich: Les editions nagel Geneve, 1970.

Heers, J. *Genes au XV siecle*. S. E. V. P. E. N. École, Paris. 1961.

Verlinden, Ch., Perez Embid, F. *Cristobal Colon y descubrimiento de America*. Madrid – Mexico, 1967.

References

Babcock, W. H. (1922), *Legendary Islands of the Atlantic: A Study in Medieval Geography*, American Geographical Society, New York.

Balandin, R. K. (2000), *Geografiya: Otkrytie Zemli* [Geography: The Discovery of the Earth], OLMA-PRESS, Moscow, Russia (in Russ.)

Beazley, C. R. (1897), *The dawn of modern geography: a history of exploration and geographical science*, H. Frowde.

Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics], Progress, Moscow, Russia (in Russ.)

Bierlein, J. F. (1997), *Parallel'naya mifologiya* [Parallel myths], Kron-Press, Moscow, Russia (in Russ.)

Fradkin, N. G. (1974), *Obraz Zemli* [The Image of the Earth], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.)

Hatt, J. J. (1970) *Celtes et Gallo-Romains* [Celts and Gallo-Romans], Editions nagel Geneve, Paris-Munich (in French).

Heers, J. (1961) *Genes au XV siècle*, [Genoa in the 15th century], S.E.V.P.E.N. École, Paris (in French).

Henning, R. (1961-1963), *Nevedomye zemli* [Unknown Lands], in 4 volumes, Inostrannaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.)

Khroniki otkrytiya Ameriki [Chronicles of the discovery of America] (2000), Akademicheskyy proekt, Moscow, Russia (in Russ.)

Knyazev, S. (2019), *Zoloto, slonovaya kost' i milliony rabov: kak Portugaliya ukrepyala svoi pozitsii v Afrike v XV veke* [Gold, ivory and millions of slaves: how Portugal strengthened its position in Africa in the 15th century], 08.01.2019, [Online], URL: <https://russian.rt.com/science/article/590382-istoriya-portugaliya-kolonizatsiya-bulla> (in Russ.) (Accessed 20 December 2021).

Lebedev, N. K. (2002), *Zavoevanie Zemli: Velikie geograficheskie otkrytiya ot Odissey do Laperuza* [The Conquest of the Earth: Great geogr. discoveries from Odyssey to La Perouse], Centrpoligraf, Moscow, Russia (in Russ.).

Magidovich, I. P. (1957), *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij* [Essays on the history of geographical discoveries], GUPI, Moscow, Russia (in Russ.).

Plavanie svyatogo Brendana: Srednevekovyye predaniya o puteshestviyah, vechnykh strannikah i poyavlenii obitatelej inyh mirov [The Voyage of St. Brendan: Medieval legends about travels, eternal wanderers and the appearance of inhabitants of other worlds] (2002), Azbuka-klassika, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.).

Podosinov, A. V. (1999), *Ex oriente lux! Orientatsiya po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation by the countries of the world in the archaic cultures of Eurasia], Yazyki russkoj kultury, Moscow, Russia (in Russ.).

Poslaniya iz vymyshlennogo carstva [Messages from a fictional kingdom] (2004), Azbuka, Sankt-Petersburg, Russia (in Russ.)

Puteshestviya Hristofora Kolumba. Dnevnik, pisma, dokumenty [Voyages of Christopher Columbus. Diaries, letters, documents] (1961), Geografiz, Moscow, Russia (in Russ.).

Ragunshitejn, A. G. (2013), *Sokrovishcha pogibshikh korabley* [Treasures of the lost ships],

[Online], URL: <https://coollib.com/b/255925-ar-seniy-grigorevich-ragunshitejn-sokrovishcha-pogibshikh-korabley> (in Russ.) (Accessed 20 December 2021).

Shabanov, A. (2001), *Svyatoj Brendan Moreplavatel* [Saint Brendan the Navigator], Missia, Tver, Russia (in Russ.).

Svet, Y. M. (1973), *Kolumb* [Columbus], Molodaya gvardiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Verlinden, Ch., Perez Embid, F. (1967) *Cristobal Colon y descubrimiento de America*, [Christopher Columbus and the discovery of America], Ediciones Rialp, Madrid-Mexico (in Spanish).

Washington, I. (1992), *Zhizn i puteshestviya Hristofora Kolumba* [The life and travels of Christopher Columbus], Oko, Kharkov, Ukraine (in Russ.).

Weber, M. (1994), *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society], Yurist, Moscow, Russia (in Russ.).

Zweig, S. (2010), *Podvig Magellana: Che-lovek i ego deyanie. Amerigo: Povest' ob odnoj istoricheskoy oshibke* [Magellan's feat: Man and his deed. Amerigo: A story about a historical mistake], AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, ул. Горького, д. 71, Белгород, 308024, Россия; skolesnikov2015@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 71 Gorky St., Belgorod, 308024, Russia; skolesnikov2015@yandex.ru